

что мы пишем, не столько противоречит, сколько дополняет друг друга. И наша задача сводится к выявлению иерархии значимости представлений, выявлении главного и отделения его от второстепенного для решения поставленной задачи. Оно (второстепенное) неверное, ошибочное, по мнению одних и важное, верное в представлениях других, нужно не отвергать с порога и навсегда, а взвешивать, встраивать в общий порядок по значимости его. Однако, без страсти, без эмоций и отстаивания своего мнения, иного взгляда, иных мысленных конструкций, нет движения вперед, нет развития. Поэтому, несмотря на убеждение, что мы все равные и все разные, редактируя чужие статьи и монографии, постоянно ловлю себя на мысли, что так же, как Александр Петрович, хотя и неосознанно, обращаю внимание своих «учеников и последователей» на те же недостатки, на которые указывал мне в своё время А. П. Также попрекаю их за инакомыслие и «вероотступничество», подгоняю их представления под свои, перевожу сказанное ими на свой язык, чтобы лучше понять сделанное ими. При этом нередко про себя восклицаю: «Какой же я всё-таки кузякинец!», хотя всю жизнь перечил ему, отстаивая своё, а на самом деле строил наше общее с ним и другими его учениками здание и понимаю, что он на всю жизнь мой Учитель, Критик и Оппонент. Он до сих пор со мной и голос его звучит для меня по-прежнему и, как прежде, значимо.

Александр Петрович — моя судьба

В. Т. Тагирова

Шёл 1962 год ... Первое полугодие моего последнего года обучения на биолого-химическом факультете в Хабаровском государственном педагогическом институте. До получения диплома оставались считанные месяцы. Я строила свои планы жизненного обустройства ... Выбирала для преподавания общеобразовательную школу в пределах Хабаровского края. Других планов не предполагала ... По-прежнему занималась помимо учёбы в научных кружках и любимыми видами спорта, выступала за честь факультета и родного вуза, а летом — в экспедициях. В процессе общения в спортивной секции с ребятами из Нанайского района узнала, что в поселке Найхин есть краеведческий музей, где представлена этнография нанайского народа. Вот это было бы мне по душе — думалось мне: могучая река Амур, рядом лес — родное пристанище малых народов, изучение природы ..., знакомство с бытом, интересами ... Уже просила однокурсников не занимать это место. Однако мой высокий учебный потенциал и бурная общественная жизнь в студенчестве оказались замечеными общественностью и в ректорат пришло приглашение на работу в городской комитет комсомола. Поскольку почти все каникулы мои были заняты экспедициями и туристическими походами по Приамурью, то на двух кафедрах — ботаники и зоологии параллельно было принято решение рекомендовать меня в целевую аспирантуру. Мой выбор пришёлся на зоологию ..., подвижные существа перевесили чашу весов, хотя растения остались одним из самых привлекательных жизненно важных увлечений. К тому же между ними неотъемлемая связь, они в равной степени сохранились в моей душе ... Впереди были «потёмки» ... Надо было ехать в Москву.

Как будто меня подстерегала судьба ... Все три вступительных экзамена сдала успешно в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской. Приезд в Москву пришёлся на 25 сентября 1962 года. Первый выезд из Хабаровска в огромный город продолжался почти семь суток поездом. После длительного путешествия по стране, оказавшись в мегаполисе, немного усилий нужно было приложить, чтобы найти улицу Радио, 10а, где располагался пединститут имени Н. К. Крупской. Приняв мой «рапорт» о прибытии, руководство института и отдела аспирантуры дали возможность определиться в студенческо-аспирантское общежитии в Переведеновском переулке (близ станции метро «Бауманская»), где мне предстояло расположиться. Доброжелательная встреча работников института и кафедры зоологии вдохновили. Одновременно были предложены: расписание сдачи вступительных экзаменов и координаты моего будущего научного руководителя, о котором была много наслышана ещё в Хабаровске от доцента Александра Николаевича Щербакова, преподававшего у нас на втором курсе зоологию позвоночных. Высоко положительный отзыв бывшего соискателя о своём руководителе и консультанте придавал мне уверенности и желания поступить в целевую аспирантуру именно к нему, Александру Петровичу.

Кто он — мой будущий научный руководитель? А он оказался, на первый взгляд, простым в обращении и очень понятным. С большим интересом и методично объяснил мои перспективные научные дела, о коих я пока имела самые слабые представления. Создал «формулу» темы предстоящих исследований: мелкие грызуны, птицы и в неблизкой перспективе дневные чешуекрылые. И всё это в плане наземной фауны и животного населения, то есть современной зоогеографии. Указал путь к распознаванию видов и освоению методов количественных учётов животных называемых групп, ибо без знания качественного (видового разнообразия) и численного состояния нет будущего ни в зоологии, ни в современной зоогеографии. Кроме того, надо было знать при этом флору и растительность, как кормовую и защитную базу, и как ландшафтную основу, обеспечивающую условия существования животных.

... Отрывки из воспоминаний ... В процессе обучения и воспитания своих аспирантов Александр Петрович только на первый взгляд при первой встрече показался простым. На самом деле это Человек взыскательный — строгий и требовательный. У него нельзя не выполнить заданное им поручение или вдруг не найти необходимый литературный источник — книгу или опубликованную научную статью.

Александр Петрович не просто требовал от аспирантов знаний, он проявлял заботу их обучения в полевых условиях. Как пример подражания, брал с собой двух — трёх из своих подопечных на полевую практику в Крюково Московской области (база проведения полевых работ со студентами института) для освоения методов исследования. Вместе со студентами проводили наблюдения и количественные учёты позвоночных животных в разное время суток, обрабатывали добытый материал. В этих же условиях коллекционировали, приобретали опыт полевых работ перед выездом по своим регионам. Кроме того, перед первым полевым сезоном

брал с собой аспирантов в дальние путешествия. Мне в составе аспирантского отряда под руководством Александра Петровича весной 1963 года, перед тем как выехать в Приамурье, пришлось побывать почти две недели в Грузии на границе с Турцией. Исследовали широколиственный лес в горных условиях Аджарии. Работали с мелкими зверьками и птицами по всем правилам строгого суточного режима. Здесь мы осваивали методы распознавания и учётов животных, их обработки. Кроме того, после второго года обучения в аспирантуре, в 1964 году, Александр Петрович с двумя аспирантами прибыл и на мое «поле» в окрестностях города Хабаровска. Хоть проездом на Курилы, но выкроил почти неделю для проверки моих дел на Дальнем Востоке. Вот такой был наш руководитель — Александр Петрович Кузякин.

Благодаря высоким требованиям моего научного руководителя к освоению современных зоогеографических основ я приобрела смелость в подходах к изучению трёх групп животных — дневных чешуекрылых, птиц и мелких млекопитающих. За три года целевой аспирантуры освоила методы не только качественного освоения биоразнообразия, но и количественных учётов этих животных. В эти годы мой руководитель в возрасте 47–50 лет занимался не только позвоночными животными в разных аспектах их взаимоотношений в области морфологии, численного состояния, эпидемиологии, но и увлечённо занимался дневными чешуекрылыми, в том числе бабочками Дальнего Востока. Приходилось трудиться особенно в сезон полевых работ «от зари до зари» ... Материалов добывалось много при высокой трудоёмкости их сборов. Надо было ранним утром провести качественные и количественные учёты птиц, хотя шёл процесс их освоения; собрать улов и расставленные с вечера ловушки на мелких млекопитающих, а днём (не упустить момента!) при солнечной погоде провести сборы на площадках или на линейном маршруте дневных бабочек ... Большой частью они не могли войти в содержание моей кандидатской диссертации, которая значилась в конечном варианте «Мелкие млекопитающие основных ландшафтов Приамурья», защищённой в докторской диссертационном совете МОПИ им. Н. К. Крупской 4. 01. 1967 г. Благодаря настойчивости и прозорливости «шефа» они мне оказались необходимыми при подготовке докторской диссертации «Наземные позвоночные Среднего и Нижнего Приамурья (фауна, зоогеография, проблемы охраны и рационального использования)», а также в процессе преподавания таких дисциплин как зоология, экология животных, биоразнообразие, биогеография и др. в вузе и в системе дополнительного образования, с учителями и школьниками. За выполнение докторской диссертации в 1999 году я также благодарна своему дорогому Александру Петровичу, хотя его уже не было с 1988 года. Его направление — целесообразное в изучении природопользования оказалось мне более чем существенным на многие десятилетия в моей научной деятельности, на всю долгую преподавательскую работу.

Только благодаря Александру Петровичу, его правильному строгому руководству, консультациям, требовательности я смогла обобщить, проанализировать сведения по фауне позвоночных, распространению и эко-

логии многих наземных животных, выполнила ревизию видового и численного состава млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных изучаемого приамурского региона, что очень важно знать в школе и вузе обучающейся молодежи. Провела инвентаризационные работы некоторых групп высших позвоночных животных. Подготовила и апробировала курсы по выбору: «Фауна и население животных Хабаровского края», «Местная фауна», «Животный мир Дальнего Востока» для студентов факультетов биолого-экологической направленности. Вместе со студентами с участием старших школьников в течение двух десятилетий разрабатывали проект «Чёрной речке — чистые воды» по динамике пребывания и численного состояния птиц долины реки Чёрной, окаймляющей окраину города Хабаровска с северо-востока. Ежегодные экспедиции по южной части Хабаровского края и Приморью, просто экскурсии в окрестностях города открывали новые горизонты изучения жизни животных, их ареальные возможности, численное состояние, популяционную жизнеспособность.

Отличительная черта Александра Петровича — настойчивость, которая проявлялась во всех его начатых делах. Она имела действие на всех его аспирантов. Очень уважал тех своих учеников, которые практически не пропускали его наставляющих указаний и серьезно работали как в полевых условиях, так и в библиотеках страны. В каждом аспиранте уважал трудолюбие, которое ему самому было присуще. Воспитывал в своих подопечных, будь то студенты или аспиранты, обязательность. Очень не любил опоздания своих подчинённых. При этом всегда был пунктуален во времени и в делах, сказанное им слово выполнялось с предельной точностью.

Первый год обучения в аспирантуре обозначился тем, что Александр Петрович обучал в полном смысле слова чтению научной литературы по закреплённой тематике. Мне необходимо было пройти типа стажировки по изучению мелких млекопитающих — в первую очередь грызунов и насекомоядных, во вторую — птиц юга Дальнего Востока, их морфологические признаки, систематику, численное состояние и ареальные возможности. Надо было определиться в знаниях фауны и животного населения. При этом уметь разграничить понятия зоологической географии (зоогеографии) в современном её представлении от дореволюционного (геозоологии). До середины 20-го века зоогеографию многие учёные представляли на фаунистической (ареальной) основе как распространение видов и других таксонов. С середины 20-го века представления этого научного направления расширились и углубились в сторону изучения численного состояния, сезонной и годовой динамики. Предстояло освоить методы количественных учётов животных на ландшафтной основе своего региона. Ежедневные посещения в научные библиотеки, в первую очередь имени В. И. Ленина, позволяли много узнать. Облачившись кипами многотомных публикаций, нужно было находить и осваивать теоретические и практические концептуальные понятия основ зоологии и зоогеографии. С отличительными признаками животных, особенно представителей семейств Землеройковые отряда Насекомоядные и Мышиные отряда Грызуны, а также птиц и других позвоночных узнавали в Зоологическом музее МГУ имени М. В. Ломоносова, в котором только ночевать не приходилось, работали

с коллекционными материалами «от зари до зари». Иначе нельзя, спрос был очень строгий, да и самой хотелось больше узнать; благо, что сотрудники музея доброжелательно позволяли и доверяли ценные тушки животных. К концу первого года обучения во всеоружии нужно было быть готовым к полевым работам в Приамурье юга Дальнего Востока. Заранее было известно, что научный руководитель пристальным взглядом даже с далекого расстояния протяжённостью более 10 тысяч километров усмотрит полученные знания за осенне-зимний период пребывания в Москве. Так оно и было. Весна и лето 1963 года оказались дипрессионными на «мышей и полёвок», птиц предстояло узнавать по голосам и «в лицо». С утра до ночи приходилось трудиться, чтобы осилить сравнительно большой объём полевых работ. С вечера расставлялись ловушки на мышевидных грызунов, проверялись заранее поставленные цилиндры на отлов и учёт землероек. С раннего утра проводился качественный и количественный учёт птиц на маршруте, надо было безошибочно определить вид по голосам на полную дальность обнаружения по методике, предложенной А. П. Кузякиным и его учеником Р. Л. Наумовым. Не оставались без внимания цилиндры, их проверяли не один раз в сутки, чтобы не дать зверькам погибнуть или испортиться. Совсем немного времени оставалось на обработку материалов, в том числе на приготовление тушек как беспрецедентное доказательство добытых животных (как пример оправдания перед строгим руководителем). Итоги полевых работ и сбора материалов по намеченной научной теме «Фоновые млекопитающие, птицы и дневные чешуекрылые основных ландшафтов Приамурья» пришли по душе моему «шефу» (так среди аспирантов именовали руководителя). В течение зимы предстояла обработка собранных данных и подготовка статей к публикациям. Впервые в жизни написать статью «не фунт изюма ... ». Просмотрены десятки опубликованных статей в научных журналах, получены консультации, советы Александра Петровича ...; решиться на такой «подвиг» стоило мужества. Только к новому 1964 году появился первый вариант статьи «Мелкие млекопитающие основных ландшафтов среднего Приамурья», который был опубликован в материалах Второй научной конференции зоологов педагогических институтов РСФСР (Краснодар, 1964, с. 242–244). Шёл второй год обучения. Надо отдать должное, у Александра Петровича хватило терпения править эту статью скрупулезно, со всеми знаками препинания и содержания. И тем не менее, похвалил и поздравил меня, как справившуюся с первым заходом в научный мир, сославшись на то, что бывает гораздо хуже. Меня это не то, что вдохновило, скорее встревожило. Надо было трудиться далее.

Второй год обучения проходил не то что легче, но доверия со стороны руководителя стало больше. Появившееся научное новое увлечение дневными чешуекрылыми не могло не отразиться на интересах его подопечных. Мне, изучающей животных Дальнего Востока, как и другим аспирантам разных регионов, предстояло интересоваться этой группой беспозвоночных как индикаторов выраженных ландшафтов. Узнали более 100 видов — обитателей с биоценотической значимостью. Он стал доверять просматривать научные статьи других авторов в плане комментариев: на-

ходить недостатки и достоинства. Нелегкий труд критиковать, когда мало опыта в написании текста, анализа и обобщения своих материалов, но надо было учиться. От зоркого взгляда и серьёзного подхода на выполнение любого задания А. П. Кузякина не уйти. Продолжались ежедневные выходы в библиотеки, в то же время надо было появляться на кафедре зоологии с обязательными вопросами по утверждённой диссертации. Если по каким-то причинам аспирант не явился, то волнения Александра Петровича порой превосходили все ожидания. По своей натуре наш руководитель был вспыльчив, в своих требованиях не отступал. При отсутствии аспирантов на кафедре он выражался так: «я вновь был как в пустыне» и обязательно требовал объяснения ...

Вторая статья «Мелкие млекопитающие лесов Приамурья» у меня получилась в сборнике «Вопросы зоологии» Хабаровского государственного педагогического института в объёме более 18 страниц, вышла в 1966 году, была ободрена. В последующем приобреталась уверенность в сборе материалов и подготовке научных статей. Дальнейшие действия моих исследований находили поддержку Александра Петровича.

На третьем году обучения обозначилось, что две группы животных — птицы и чешуекрылые не войдут в состав моей кандидатской диссертации: слишком много оказалось собранных материалов. Мелкие зверьки образовали основу диссертационных выводов и заключений. Птиц остали на доработку, потому как их разнообразие не ограничивается 300 видами в Приамурье, а с чешуекрылыми пришлось расстаться на любительском уровне. Они и сегодня привлекают меня, особенно эндемичные. Они, как и птицы, выступают биоиндикаторами основных ландшафтов.

После окончания аспирантуры я не переставала общаться с семьёй Кузякиных, где находила самые доброжелательные отношения. Особой приветливостью отличалась Валентина Ивановна — хранительница семейного очага. На мой взгляд, она выполняла обязанности не только жены, но была первым другом своего мужа. Всегда приветливая, ласковая, принимала участие во всех делах «подкидышей» Александра Петровича, во всём помогала.

Полевые экспедиции в составе других аспирантов под руководством Александра Петровича всегда носили исследовательский характер, а потому были режимно упорядоченными: от подъёма в ранние утренние часы до позднего вечера (ночи). С утра количественные учёты птиц, проверка уловов мелких млекопитающих, обработка материалов, изготовление тушек, которые должны были быть образцово-показательными, строго, как это делал сам Александр Петрович. Аспиранты учились готовить коллекционные материалы по образцам нашего руководителя, другого подхода он не признавал. Качество препарирования коллекционных материалов руками Александра Петровича были уникально образцовыми. Не случайно его коллекции хранятся в лучших государственных зоологических хранилищах города Москвы: Зоологическом научно-исследовательском музее МГУ имени М. В. Ломоносова, Государственном Дарвиновском музее.

Наследие Александра Петровича Кузякина многогранно. Действительно он состоялся не просто как учёный, но учёный высочайшего уровня

по многим направлениям: эпидемиолог, териолог, орнитолог, энтомолог, зоогеограф. Его бывшие аспиранты географически «рассеяны» не только по России, но по всему земному шару в качестве больших учёных, преподавателей вузов высокого профессионального ранга, работников научных музеев, учителей общеобразовательных учреждений. Он был доступен для всех категорий населения, к нему приходили на консультации не только студенты биологической направленности, никому не было отказано. Много лет при Александре Петровиче работал межвузовский кружок, который посещали студенты педагогических институтов и Московского госуниверситета, а также школьники Москвы и Московской области, нередко приезжали из других городов России. Частыми гостями в МОПИ были школьники «академии» Петра Петровича Смолина (так называли ребячий кружок в аспирантском кругу). Аспиранты участвовали в заседаниях и выездах по изучению птиц и млекопитающих в Подмосковье. Обучались освоению методов учётов птиц и мелких зверьков с раннего утра до позднего вечера, а птиц считали и ночью ...

С наступлением весны все аспиранты нашего руководителя разъезжались по своим регионам для сбора материалов. Помню 1963 год. С апреля по октябрь я при исполнении своих обязанностей. Год оказался неудачный на отловы мелких грызунов. На 400 ловушек, поставленных в разных биотопах, отлавливалось всего не более 3–5 зверьков. А птиц продолжала осваивать на маршрутах. Паника вошла в мое состояние от того, что мало зверьков. Пишу Александру Петровичу о своих почти «нулевых» показателях. В ответ получила успокаивающее письмо, что «ноль — это тоже факт». Такой факт меня мало устраивал и я продолжала увеличивать количество выставляемых орудий отлова — ловушки и ставить цилиндры. Покой был потерян. Однако познания о птицах, их отличительных морфологических признаках и голосах на учётных маршрутах с каждым днем обогащались, и это приносило удовлетворение. Кроме полевых работ по позвоночным, у меня был новый «заказ» — учитывать на маршруте и на площадях, отлавливать дневных бабочек. Скушать не приходилось. В осенние месяцы прибавились уловы грызунов. В конце октября закончились мои полевые дела. Руководитель был доволен.

Александр Петрович отличался необыкновенной скромностью во всем и мало заботился о своей славе. О нём можно сказать, что он не был привязан «к блеску» ...

Для меня мой научный руководитель пожизненно остался судьбой, она предопределила на всю сознательную жизнь «кузякинские» принципы. Я благодарна судьбе.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Е. С. Равкин

Познакомился я с Александром Петровичем Кузякиным на первом курсе естественно-географического факультета МОПИ им. Н. К. Крупской в 1965 г., хотя много слышал о нём и раньше из рассказов родителей и старшего брата. По их же рекомендации я и поступал в этот институт, где кафедрой зоологии заведовал известный учёный, профессор А. П. Кузякин.